

Валиулла Якупов

Журнал «Мусульманский мир»,
август 2006 г.

ЛЖЕДЖАДИДИЗМ

Издательство «Иман»

Казань 1427/2006

Наибольшую угрозу для Ислама представляют два взаимосвязанных течения — это ваххабизм и лжеджадидизм, обе эти группировки являются типологически схожими, т.к. ратуют за реформирование Ислама, нетерпимы к традиционным толерантным мазхабам, а также допускают грубые искажения исламской акыды. Ваххабиты заменяют единобожие языческим антропоморфизмом и реанимируют языческое поклонение Небу, которое по их мнению больше Бога. Лжеджадиды же вообще отвергают шариат, именуя его средневековым пережитком.

Подписано к печати 29.06.1427/25.07.2006

Формат 60x90 $\frac{1}{16}$

Печать офсетная. Печатных листов 2,5

Заказ № 15 Тираж 200.

Издательство «Иман». Казань, ул. К.Насыйри, 27.

ТРАДИЦИЯ ПОДЛИННОГО ДЖАДИДИЗМА ЖИВА

Можем ли мы сказать, что наше вероучительное кредо отличается от кредо Галимджана Баруди, Ахмадхади Максуди и Зайнуллы Расулева, которые, как известно, были видными джадидами. Уверен, что ни на йоту не отличается. Мы таким же образом молимся, практикуем Ислам в своем образе жизни абсолютно идентичным способом, что и они. Тем более, что мы, современное мусульманское татарское духовенство, имеем к этому своему наследию прямое отношение. Как известно, муфтием ЦДУМ после смерти Р. Фахретдина становится Габдрахман Расули, не только сын Зайнуллы Расулева, но и его главный сподвижник, который непосредственно заведовал многие годы джадидским медресе «Расулия» в Троицке.

После смерти Г. Расулева с 1950 по 1974 год муфтием ДУМЕС становится Ш. Хиялетдинов, также бывший учеником З. Расулева. После смерти Ш. Хиялетдинова более года обязанности муфтия исполняет Ахметжан Мустафин, имам Московский мечети, выпускник медресе «Мухаммадия», работавший в нём преподавателем, один из лучших учеников Г. Баруди. Как видим, практически до нашей современности влиятельный рычаг комплектования корпуса имамов оставался в руках последователей одного из идеологов и практиков джадидизма З. Расулева. А многие видные имамы были воспитаны в джадидских медресе.

В г. Казани был сохранён от разгрома приход мечети Марджани, т.е. внутренние установления жизни прихода сохранялись в неизменности со времён Ш. Марджани. В этой мечети служил имамом в период с 1967 по 1994 год Габделхабир хазрат Яруллин, учившийся в медресе «Мухаммадия» под руководством Г. Баруди. Медресе «Мухаммадия» же была общепризнанным флагманом джадидского образования.

Симптоматична фраза, произнесенная Габделхабиром хазратом Яруллиным в одной из проповедей конца 1960-х годов в мечети Марджани, говоря о своём учителе Г. Баруди, он, обращаясь к прихожанам, произносит: «которого многие из вас хорошо помнят лично». Таким образом, костяк прихода мечети Марджани и через 50 лет после смерти Г. Баруди состоял из его учеников.

Все советские годы обучение Исламу на индивидуальной основе никогда не прерывалось. После войны такое обучение начинает вести Габделхак Садыков, также обучавшийся в медресе «Мухаммадия», одними из самых известных его учеников являются Габделхак хазрат Саматов и Габделхак Каюмов. Качество этого обучения было весьма высокого уровня, т.к. Г. Саматов, смог, опираясь на эти знания, стать первым главным имамом-мухтасибом Татарстана, создать первое медресе в г. Чистополе, которое после переезда в г. Казань известно ныне как Казанское Высшее Мусульманское Медресе им. 1000-летия Ислама. Г. Саматов с 1998 по 2006 год был и главным казыем Татарстана. При его непосредственном участии происходило становление и институционализация современного мусульманского духовенства Татарстана.

Г. Каюмов первым ещё в советский период возобновил обучение основам Ислама в группах, которое было основано на джадитской методике преподавания.

Таким образом, живая традиция джадидизма в нашем народе никогда не пресекалась. Нынешнее мусульманское духовенство в подавляющей своей массе является продолжателем этой живой традиции, заложенной джадидами Г. Баруди, З. Расулевым и др.

О степени веры настоящих джадидов свидетельствуют следующие общеизвестные факты. Как известно, Казаковская¹ мечеть в Казани была построена на месте старого кладбища. Хотя все кости были вырыты и перезахоронены в другом месте, Галимжан хазрат Баруди в своей «Памятной книжке» пишет, что он ни разу не заходил в эту мечеть из предосторожности, т.к. знал о запрете наступать на могилы. Пишет он это уже незадолго до смерти. Посмотрите, какая последовательность в соблюдении установлений шариата, над которым так любят издеваться нынешние лжеджадиды. Вообще невозможно читать эту «Памятную книжку» Г. Баруди без слёз. Приехав в Казань в последний период своей жизни, обремененный многими телесными недугами, он самоотверженно ведёт молитвы, проповедует, превозмогая немощь посещает мно-

¹ Сомнения Г. Баруди в праведности её постройки, видимо, не были случайными: именно в эту мечеть впервые под нажимом большевиков в 1924 году были допущены женщины для молитвы. Стоит ли сейчас удивляться, что из каменных мечетей дореволюционной Казани только она была в буквальном смысле полностью уничтожена.

гие мечети, собирает совещания и собрания, добивается возобновления преподавания Исламу, он постоянно молит Бога о том, чтобы его медресе «Мухаммадия» вновь было открыто и в нем до Последнего дня шло бы обучение Исламу. Этот энциклопедически образованный ученый, несмотря на свои болезни, и мысли не допускает о пропуске пятикратного намаза, очень внимательно относится к соблюдению всех тонкостей религиозных установлений. Он предстаёт перед нами настоящим святым праведником, всецело болеющим за свой народ, за его духовное здоровье. И слава Богу, что и среди нынешней генерации мулл нет-нет да и проглядывают лица, стремящиеся к праведности, которые работу свою в мечети воспринимают как служение. И таких наследников, подлинных последователей Г. Баруди становится все больше и больше. И к ним уж никакого отношения не имеют пытающиеся примазаться к джадидизму двуличные люди. Симптоматичен и пример Ш. Марджани, который в молодости не по своей вине пропустил несколько намазов ясту, т.к. следовал фетвам азиатского мигранта Ишнияза бине Ширнияза о необязательности пятого намаза в июньские дни исчезающего заката. Уже в зрелые годы Шихабутдин хазрат восполнил, т.е. прочёл заново эти пропущенные намазы, не говоря уже о том, что он свою долгую жизнь очень дотошно читал пятикратный намаз. И мы, современное мусульманское духовенство, следуем этим путём. Возникает вопрос, почему люди, называющие себя сторонниками Марджани, которые даже академический институт истории не постеснялись назвать именем нашего казанского муллы, не поступают в своей жизни так, как делал Ш. Марджани. Почему они не начинают соблюдать пятикратный намаз и не восполняют пропущенные ранее намазы? Если уж они постоянно деслюнявят свои рты восхвалением и пением дифирамб в адрес Ш. Марджани, почему не поступают как он, и почему вечно недовольны теми, кто живёт по рецептам Ш. Марджани? Очевидно, что это всё дешёвые пиар-ходы по примазыванию к авторитету святых для народа людей, лицемерное желание ассоциировать себя с положительными героями, которое обычно квалифицируется как мошенничество на доверии. Эти лица никакого отношения к джадидизму не имеют, это лжеджадиды.

Например, какое отношение к джадидизму имеет Р. Хакимов, публично распивающий алкоголь, насмехающийся над намазом и другими обязанностями, налагаемыми шариатом? Кому конкрет-

но из джадидов он подражает? Очевидно, что все джадиды были в первую очередь искренними, набожными мусульманами. А Р. Хакимов к подлинному джадидизму отношения не имеет, конструирует совершенно новые фантомы лжеджадидизма.

Конфронтационная сущность лжеджадидизма, имеющего очевидную антимазхабную направленность является рудиментом советского подхода к сфере религиозности, когда традиционная религиозность и её структуры воспринимались в качестве противников идеологии коммунистического государства. Конечно, сейчас коммунистическая идеология заменена, но обкомовская привычка и инерция осталась.

В конце XX века наблюдается во всем мире сдвиг в сторону религиозного мировоззрения. Человечество после крушения экспериментов коммунистической и нацистской секуляризации сознательно обращается к Богу. Многие интеллектуалы, устыдившись своего атеистического безрелигиозного прошлого, обретают ныне личный религиозный опыт, ведут активно религиозный образ жизни, заботятся о спасении души. Например, в русском православии появилось очень много высокообразованных мирян, которые вносят огромный вклад в укрепление своей родной религии. В пример приведу ту же Наталью Нарочницкую, которая так блестяще и наступательно апологетирует религиозное наследие своих предков.

К сожалению, обращение к религии интеллигенции из татар носит совершенно иной противоположный характер. Словесно как будто «обратившись» в Ислам, выясняется вдруг, что сделали они это лишь для того, чтобы объяснить верующим мусульманам, что надо освободить их жизнь от религиозных практик, вытеснить религиозное из образа жизни. Оказывается, что их жизнь до «обращения» и была идеальной, самодостаточной и они ныне собираются навязывать этот образ жизни теперь всем мусульманам. Грустно и стыдно об этом писать, но наши «интеллектуалы-философы», получается, запутались в диалектике процессов сакрализации и секуляризации. На самом же деле с их стороны происходит сознательная фальсификация, лжеджадизация Ислама. Здесь опять проявился парадокс Черномырдина, подметившего, что какую бы партию не начинали создавать в России, получается КПСС. Так и у наших неоатеистов: какую бы религию не начинали создавать, получается атеизм.

Причины появления исторического джадидизма

До начала XX века Ислам был довлеющим и монопольным в мироощущении татар. Однако с начала XX века среди молодёжи, особенно её активной части накапливается разочарование в возможностях мусульманской культуры, они становятся восприимчивыми к немусульманской культуре, абсорбируют разные варианты европейского происхождения идеологий, в том числе и социалистическую и ценности русской культуры, что проявляется в следовании русской моде, отказе от мусульманской одежды, в стрижках, досуговых привычках. Перед мусульманским духовенством стояла задача перехватить эту молодёжь, дать ей приличную и модную «мусульманскую» альтернативу, дабы сохранить в рамках Ислама. Этим объясняется активность в использовании бренда «джадидизм».

Успех джадидитов в споре с кадимитами объясняется тем, что их взгляды были умело, более талантливо артикулированы, поэтому получали более массовое паблисити, т.к. они были сторонниками татарского языка обучения, но в среде духовенства кадимизм был вне конкуренции. Пользуясь появлением средств массовой информации, джадидиты сознательно инспирировали скандалы для привлечения внимания к себе и к своим взглядам. Шумные пиар-компании искусственно раздували их упоминаемость и известность, создавая иллюзию популярности, хотя она в то время и была отрицательной, в советское время стала трактоваться как положительная. Нельзя в этой связи преувеличивать влияние татарской прессы на народное мнение, тираж многочисленных татарских изданий был ничтожен в реальности.

Сложной и противоречивой, заслуживающей углубленного исследования представляется мотивация джадидов, движение это состояло из многих сегментов. Это и суфии, близкие к шариату, т.к. накшбандия отличается скрупулезным следованием нормативной сунне. Это и ваххабиты, но идеализирующие ваххабизм, не знакомые с его реальной практикой, т.е. скорее салафиты. Обычные мазхабиты и др. Пёстрый состав джадидитского движения предопределил и пестроту его мотивов, которые вмещали весь диапазон идей. Пестрота состава и мотивов джадидитского движения обусловили его внутренние противоречия, расколы и затухание. Но в целом они были едины лишь в противостоянии кадимистам.

Появление и становление исторического джадидизма объясняется в первую очередь внутренними свойствами, логикой развития татарского Ислама. Но нельзя сбрасывать со счетов и роли внешнего фактора — западной цивилизации в лице России, Германии и других игроков. Этот вопрос требует дальнейшего изучения, но в любом случае при его рассмотрении необходимо правильно определять причинно-следственные связи и верно расставлять исторические акценты. Но говоря об активной роли этих внешних сил, её нельзя абсолютизировать. Например, Р. Фахретдин очень много читал арабских христиан, их книги, особенно произведения протестантских миссионеров, которые активно работали на арабском Востоке.

В «Дин вә адап» перепечатывали ливанско-египетские христианские издания: «аль-Хилял» (основал христианско-арабский писатель Джурджи Зайдан в 1892 г.), «аль-Мухтатаф» (основан в 1876 г. двумя преподавателями сирийского протестантского колледжа). Как видим, существовали прямые каналы идеологического воздействия протестантов на основателей джадидизма на всем Востоке, в том числе и на татар.

Джадидизм — это по сути националистический татарский вариант Ислама. Вспомним, кадимизм — это классический ортодоксальный Ислам, бытующий практически полностью на арабском языке. Джадидизм же «отатарил» Ислам — начали готовиться учебники по-татарски, обучение в медресах переходило с арабско-персидского на татарский язык.

Здесь важна взаимосвязь джадидов с царской администрацией: после запрета обучения в медресах импортных книг, стало только актуально печатание учебников на татарском языке. Подлинной причиной появления джадидизма было царское министерство народного образования, которое инициировало массовую потребность в издании местных учебников, что привело к расцвету целой отрасли книгопечатания, революции в татарской педагогике. Вот подлинный двигатель и побудитель джадидизма.

Таким образом, также как, например, таблиг — это национальная форма всемирного Ислама для пакистанцев, как ваххабизм для бедуинов, так и джадидизм — это национальная форма Ислама для татар, его надо возрождать, но очистить от извращённых его трактовок, от клеветы на наших учёных — искренне верующих людей, далеких от секуляризма и ваххабизма. Похожесть их идей на ваххабизм детерминирована из-за их нахождения в ситуа-

ции борьбы с кадимизмом, т.е. с классическим Исламом. На самом деле это вовсе не ваххабизм. Только из-за того, что оба: и джадидизм и ваххабизм борются с мазхабами возникает ощущение их похожести, на самом деле по сути это разные вещи.

На эту схожесть указывает турецкий учёный А. Канлидере: «Также как и Курсави традиционалисты и последователи школы ханбали боролись против любого вида отклонения от ортодоксальной исламской мысли. Самые знаменитые традиционалисты, такие как Такиетдин ибн Таймия и М. Абдуль-ваххаб были крайне враждебны мусульманской схоластической теологии (калам). Очевидно, татарские реформаторы, такие как Курсави, Марджани, Ризаэтдин и Бигиев унаследовали ханбалитский оппозиционизм каламу».

«Кадимы были против ваххабизма и считали джадидизм заодно с ваххабитами. Обвинение джадидов в ваххабитских связях не было безосновательным. Так, например, татарский джадид Муса Бигиев открыто восхвалял ваххабитов. Он называл их «чистейшими и самыми зрелыми верующими» и считал правление Мухаммада ибн Абдуль-ваххаба образцовым, подобным правлению четырёх халифов»¹.

Пребывание татар в составе России не могло не влиять на религиозные идеи, т.к. общение между интеллектуальными элитами двух народов никогда не прерывалось. В этой связи нельзя не отметить одномоментность происходящих идеологических исканий в религиозном поле. Можно указать, например, на деятельность Г. Курсави и Филарета Московского (1782–1867). Филарет Московский выступил против засилия схоластики и восстановил роль священного писания, которое было для него точкой опоры в богословских размышлениях, Филарет не довольствовался лишь изучением святоотеческого наследия, но посчитал необходимым обратиться к источнику этого наследия — Священному Писанию. Сам Филарет, говоря о Священном Писании, называл его «единым чистым и достаточным источником учения веры». Как и Курсави, переведший часть Корана на татарский язык — «Ғәфтиак тәфсире», так и Филарет много переводил библейских текстов на русский, так, он перевел Евангелие от Иоанна. По мнению митрополита Кирилла: «Благодаря его трудам Священному Писанию был возвращен первоначаль-

¹ М. Бигиев. Соң заман ваһһабиларның сәяси-дини хәяләре. Асри мөселманлык 7 (октябрь 1925). — 157-158.

чальный смысл — источника церковного богословия, богослужения, нормы для повседневной и общественной жизни»¹.

Как и у Курсави этот курс Филарета вызывал неприятие, у него было очень много хулителей. Его считали масоном и тайным протестантом, сторонником нововведений.

Как видим, интерференции идей в татарский джадидизм не надо искать только далеко за границей, диффузии схожих идей и подходов могли исходить из русской церкви, со священниками которых татарские муллы практически каждодневно сталкивались.

Филарет Московский изымал у населения иконы, найденные после «чудесных» сновидений и помещал их в монастыри для испытания, где никаких чудес они, как правило, не производили.²

Об имевшемся интересе татар к религиозной ситуации в православии свидетельствует, например, позиционирование ваисовцев своего движения в качестве «староверов», т.е. ваисовцы пытались легализовать свое еретическое учение в российских правовых условиях проведением параллели со старообрядчеством.

К сожалению, тематика православно-исламских интерференций пока остаётся практически вне поля зрения исследователей, хотя такого рода влияния несомненны. Например, появившиеся в XVII–XVIII вв. народные течения христоверов (хлыстов и др.) с их развитыми мистическими радениями имеют определенный суфийский компонент.

Особенности модернизации у татар

В силу исторических причин татары оказались внутри немусульманского государственного образования — Российского царства, впоследствии империи. Обычно при рассмотрении татарской истории существует две крайности: абсолютизация русского влияния на татар и объяснение отсюда всех социально-культурных изменений внешним — русским влиянием, либо же наоборот сведение такого влияния на нет и объяснение всех закономерностей развития татарского этноса исключительно имманентными причинами. Оче-

¹ «Святитель Филарет Московский и библейская традиция». «Церковь и время», с. 100, №1 — 2006.

² Иоанн (Снычев), митрополит. Жизнь и деятельность Филарета, митрополита Московского. Тула, 1994, с. 237–238.

видно, что истина не любит локализоваться у противоположных флангов, она обычно дислоцируется посередине. У татар были определенные особенности, которые позволяли им более безболезненно пройти модернизацию. Так, татары не были практически крепостными, у них также было изжито почти и дворянство, поэтому вся их жизнь структурировалась внутри выборных религиозных общин — махаллей. Таким образом, у татар очень облегчен был переход к системе избирательного права и народному представительству, т.к. испокон веков мусульманское духовенство и органы общинного самоуправления у нас были выборными. Таковая выборность, общинный коллективизм и равенство членства внутри махалли сказались на высоком уровне грамотности, а по некоторым данным и на практически отсутствии неграмотности и связанных с этим возможностью и склонностью к торговле и ремесленному труду, к определенной мобильности населения.

Среди факторов способствующих модернизации надо отметить и принадлежность татар к ханафитам, у которых до юридического совершенства доведена система права, носящего прецедентный характер.

У татар мусульманское духовенство отправляло обязанности казиев, т.е. судей и правоведов. Всё это способствовало выработке правового стиля мышления, уважения к канону, отсутствию правового нигилизма.

Если до XVIII в. обучение у татар шло на индивидуальной основе, то к концу века складывается целая система медресе. Такая институционализация образования у татар происходит синхронизированно с развитием образовательных заведений у русских, у которых к началу XIX века работало 36 духовных семинарий. Светское же образование в России появилось при Петре I, который с 1714 года создал цифровые школы для солдат в количестве четырех десятков. При Екатерине II было создано 300 трех-четырех классов народных училищ. Появление такой образовательной инфраструктуры у русских не могло не интерферировать на татар, у которых именно в этот период также массово появляется и быстро развивается сеть медресе.

Особенности мусульманской культовой обрядности, которая требует проведения пятничных коллективных молений, в которых должно участвовать всё дееспособное мужское население является очень важным консолидирующим признаком, способствующим выработке инстинкта коллективизма. Даже пятничные мечети у татар

назывались соборными, т.е. в них олицетворяется стремление к соборности национального существования. Побудительным мотивом здесь является установка на стяжание бараката, т.к. коллективность, соборность подразумевает довольство Божие, рука Которого — над джамаатом, т.е. соборность — это источник благодати.

В отличие от русских, разделенных на неравные сословия, у татар была гораздо большая социальная гомогенность, а значит и равенство.

Наличие института выборности у татар препятствовало изоляции и загниванию элиты. Татарская элита комплектовалась в условиях состязательности, шла постоянная её смена. У русских же обновление элит проходило только через наследование. Для татар же этот способ был не самым распространенным и касался прежде всего дворянства, количество которых было ничтожно, и купечества, однако шариатский принцип распределения наследства среди кровных родственников быстро разукрупнял, дробил купеческие капиталы. Таким образом, у татар была возможность определенной социальной мобильности, даже в условиях сословной монархии. Итак, татары были готовы к модернизации, переходу к гражданскому обществу.

Выборность мусульманского духовенства у татар обеспечивала определённую оптимальность управления за счёт постоянно идущего обновления духовной элиты, контроля над ней снизу и над её функциями. Ведь в мусульманскую духовную элиту попадали люди, прошедшие через конкурентную борьбу. Вот почему Ислам так был укоренён в ментальности татар, ведь его духовенство, подвергаясь непрерывной ротации, состояло из самых достойных и способных, которые старались употребить свои таланты для укрепления религиозности.

В этом татары выгодно отличались от русских, у которых властные элиты были сословно замкнуты.

Освобождение крестьян от крепостной зависимости в 1861 году повлияло не только на обретение правовой и экономической самостоятельности русских крестьян, но и прямо сказалось на их религиозной жизни, т.к. приходы перестали зависеть от помещиков. Эмоциональный всплеск обретения свободы во многом облекался в религиозную оболочку, сказывался на усилении конфессионального энтузиазма православных крестьян. В пореформенное время распространяется просвещение, повышается роль проповеди, рас-

ширятся доступ к православной литературе, возникают даже сельские библиотеки. Православные прихожане обретают наряду с личной относительно новое качество — и духовную независимость. Такая новая ситуация в низовых народных пластах православия начинает оказывать давление и на татарские массы, стимулируя актуализацию религиозного самоосмысления, противостояние внешнему православному давлению и привело в конечном счёте к религиозной диверсификации у татар: в последней четверти XIX века сложились две школы татарской теологической мысли: кадимизм и джадидизм.

Таким образом, вот в этих типологических особенностях тысячелетнего татарского Ислама заключена его особенность, приведшая к расцвету мусульманского богословия в XIX и начале XX веков. Причины появления феномена джадидизма не внешни к татарскому народу, как думают некоторые неоатеисты, что якобы Исмаил Гаспринский из Крыма, пробыв 2 года во Франции, приехал потом в Казань научать бестолковых казанских татар, и что Г. Курсави во время путешествия в Афганистан ознакомился с трудами индийского ученого Шаха Валиуллы Дехлеви об актуализации иджтихада и с идеями Мухаммада Габделваххаба Тамими о необходимости возврата к Корану и сунне и борьбы с нововведениями, и, вернувшись, затем начал артикулировать и транслировать эти идеи в Средней Азии и на Волге. Такой подход весьма унижен для татар. На самом деле джадидизм — это неизбежное следствие тысячелетнего духовного развития татар, он появился именно у нас, т.к. только мы имели институт выборного духовенства вкупе с либеральным ханафитским мазхабом. Мы изначально были готовы к модернизации, которая и вылилась в идеологическом плане в движение джадидизма, не имевшего никакого отношения к реформации, а являвшегося богословской рефлексией одаренного селекционированного веками татарского духовенства на возможности, предоставляемые эпохой империализма и развитием буржуазных отношений в России.

Октябрьская революция прервала возможности эволюционного развития татарской духовности. Модернизация российского общества была проведена с исключением религиозного фактора, скорее вопреки и против него. Тем не менее заряд тысячелетней татарской традиции не был уничтожен. Во многом традиционные для татар способы исповедания Ислама воспроизводятся и сегод-

ня. Но и период тотального насильственного атеизма не прошёл бесследно.

В советское время секуляризация по атеистическому образцу создала новую разновидность верующих, для которых религия не имела отношения к их собственно общественной и политической жизни. До сих пор такое отношение верующих к религии превалирует. Этим умело пользуются неоатеисты, стремящиеся и далее сохранить удобный для них «советский» тип верующего человека.

Секулярное общество основывается на тезисе о том, что религия является исключительно внутренним делом человека. Желанием не допустить религию в такие социальные сферы, как образование, право, политика, экономика объясняется пропаганда на государственном уровне ложно трактуемого джадидизма. Причём эти новоявленные татарские либералы западного образца не хотят сосуществовать с религией — не соприкасаясь, они не согласны быть нейтральными по отношению к отличающемуся от них восприятию мира, как этого требует классический либерализм. Татарские либералы (или если угодно, неоатеисты) агрессивно проповедуют свои взгляды. Находясь у власти, они задействуют репрессивный государственный аппарат с целью перехвата системы мусульманского образования и маргинализации мусульманского духовенства, имеющего иные, классические убеждения, отличающиеся от оболганного неоатеистами джадидизма.

Идущие сегодня попытки разрушения системы религиозного образования в Татарстане и подмена её гуманитарно пересыщенным, богословски выхолощенным псевдообразованничеством отрицательно скажется на позитивности потенциала Исламской конфессии, её способности сохранять традиционные ценности, а в перспективе затруднит интеграцию татарско-мусульманской этничности. Татары будут всё более и более уступать позиции в российском мусульманском сообществе кавказцам и другим мигрантам, т.к. лишаются самой возможности подготовки конкурентоспособных богословских кадров.

Самоуверенная напористость татарских неоатеистов и их прислужников из среды небольшой группы сервильного духовенства в стратегическом плане опасна для всей будущности татарской нации. Ведь без веками проверенных традиционных религиозных ценностей и традиций потенциал нации, её жизнеспособность и желание к развитию становятся весьма проблематичными. А ведь у дру-

гих национальностей такие процессы активно идут. Ныне религиозная идентичность является важным мобилизирующим и интеграционным потенциалом, от использования которой во многом зависит успешность тех или иных народов в занятии позиций внутри современного общества.

Отказ же от развития богословского образования, а значит и богословия как современной науки резко ухудшит для татар возможности самореализации.

Важность богословского образования

Когда мы говорим о возрождении в нашем народе системы религиозного образования, нельзя не понимать, что успешность работы всех его уровней зависит от основательности и глубины именно богословской подготовки, ибо всякое религиозное образование и просвещение изначально опирается на фундамент богословия. Достижение же систематичности и глубины в постижении богословия требует изучения всего необходимого спектра специальных богословских наук и дисциплин, что и осуществляется в исламских религиозных вузах всего мусульманского мира, дающих классическое шариатское образование. В последние полтора десятилетия у нас набирается опыт становления многоуровневой системы преподавания религии, начиная с непрофессиональных профессиональных курсов и школ вплоть до образовательных учреждений профессионального обучения. Сейчас широко обсуждается вопрос о введении преподавания религии в программы государственных средних школ, причём споры идут уже не о самой возможности такого введения, а лишь о его формах, учитывающих многорелигиозность российского общества. Таким образом, в ближайшей перспективе проявится потребность в резком расширении сегмента религиозного обучения. Эта ситуация вызовет необходимость решения проблем методологии, подготовки адекватной учебной литературы и учительских кадров и др. Ведь этот предмет должен быть интересен для детей. На фоне объема и важности решения предстоящих проблем мы нуждаемся в укреплении научного потенциала богословия в республике, т.к. весь объём идущего и предстоящего мусульманского обучения в конечном счёте зависит и замыкается на уровень имеющегося у нас сегодня богословия. Постоянно возникающие у нас прецеденты с сектантскими иска-

жениями Ислама, увлечениями импортными радикальными его формами также показывают усиление важности повышения богословской культуры. В Татарстане в истекшие 8 лет усилиями ДУМ РТ начала складываться генерация мусульманских священнослужителей, преодолевших стереотипы восприятия религии, характерные для зарубежных исламских стран, которые, работая над своим образовательным и нравственным уровнем, стали способны реалистично воспринимать ситуацию, нацелились на открытый, толерантный подход к общественным и социальным явлениям. И самое важное, эти люди начали процесс передачи аккумулированных ими навыков молодому поколению верующих. Этот процесс оздоровления мусульманского сообщества республики и его консолидации опирался на созданную нами учебную инфраструктуру, ключевым элементом которой был Российский Исламский Университет, находившийся в стадии становления и постепенного совершенствования.

Самое важное, в нём была нащупана возможность выстраивания у молодёжи правильной системы богословских взглядов. Ведь только в рамках вуза университетского уровня мы, как конфессия, можем актуализировать весь объём богословского знания Ислама. Причём высокий уровень богословия в этом университете является гарантией и условием качества всего религиозного образования на более низких уровнях обучения религии. Мы надеялись, что повинное в атеистическом погроме государство, осознавая беспрецедентность важности развития богословской науки, поможет довести этот рост до необходимой зрелости.

Богословие из него не должно было вытеснено, т.к. останься там всего лишь невнятная по содержанию «теология», программа которой из-за необходимости «втиснения» в жесткие рамки госстандарта, очень фрагментарна и размыта с богословской точки зрения, цель не будет достигнута.

В Татарстане должна быть возможность получить богословское университетское образование. Исламская конфессия не должна быть лишена инструмента подготовки так необходимых ей кадров высшей квалификации, должна быть возможность развивать в университетских стенах богословскую мысль, без чего невозможно совершенствование всей системы религиозного образования и успешного бесконфликтного роста мусульманского фактора в республике.

Заявления лжеджалидов о полезности гуманитарного знания — это не более чем лицемерие. Никто ведь и не отрицает его полезность, именно поэтому гуманитарные предметы всегда были и будут в программе РИУ и медресе республики. Вопрос в мере, в правильном соотношении между богословскими и гуманитарными сегментами в программах образования. Ведь за 4–5 лет вузовского периода обучения человек может усвоить конечное число предметов и дисциплин, поэтому только невежды могут рассуждать о возможности одномоментного получения двух высших образований. На это способны лишь немногие таланты. Вузовское образование строится на определенном алгоритме, на технологии работы, и эту технологию обмануть нельзя.

Лжеджалиды являются сторонниками культурно-идеологической парадигмы, явно враждебной татаро-мусульманской традиции. Они считают, что мусульманское богословие не является наукой, достойной изучения, что всю её можно усвоить в примечетских курсах, и что де не место ей в стенах университетов. А ведь вся трагедия сегодняшнего Ислама и заключается в том, что лица, отвергающие мусульманское богословие и богословскую культуру, напрямую и упрощенно трактующие Коран и сунну развязали настоящую террористическую вакханалию, дискредитируя нашу священную религию перед всем миром.

Татарстан же сегодня наоборот остро нуждается в развитии и пестовании современного, опирающегося на традицию, актуального богословия.

Ислам в России исторически всегда был неоднороден, т.к. его исповедовали различные народы, находящиеся в разных экономических условиях с разной степенью исламизации, многие народы имели низкий уровень мусульманской конфессиональной культуры. Это позволило татарам, создавшим достаточно высокого уровня образовательную систему поставлять кадры мусульманского духовенства для других народов Российской империи, а также готовить в своих медресах молодёжь из числа других национальностей. И сегодня стоит эта задача, нам необходимо повысить уровень образовательной системы, чтобы преподаваемые тут знания шариата в его классическом измерении не уступали бы заграничным исламским учебным заведениям, но одновременно были бы дополнены нашим толерантным восприятием мусульманских правовых ценностей. Вот в этом случае мы будем считать свою задачу

выполненной. Если же мы без необходимого фундамента, «нисаба» шариатской учености будем лишь давать студентам набор искажений шариата аля «лжеджадидизм», такого рода специалистов никто не будет воспринимать всерьёз.

Недопустимо создание прецедентов государственно-регионального бюрократического вмешательства в духовную сферу, когда решающее слово в этой деликатной и щепетильной области отходит к некомпетентным чиновникам, воспринимающим религию лишь как орудие корыстной политики. Это чревато в будущем значительными сложностями для всего российского государства, поневоле берущего на себя всю полноту ответственности за негативные последствия во всех своих возможных проявлениях в такой сложной и разновекторной мусульманской общине. Ведь для религиозных структур создаётся непреодолимый соблазн переноса ответственности на общенациональное государство. При любом осложнении российские государственные органы будут оставаться крайними и виновными, несмотря на то, по чьей воле отнимались прерогативы у духовных управлений мусульман.

Эта опасность также свидетельствует в пользу срочного выстраивания позиции федеральных органов власти в отношении внутреннего российского Ислама.

Если говорить о состоянии государственно-исламских отношений в РТ в последние месяцы, то наиболее подходящим будет слово «кризис», который носит отнюдь не субъективный, а системный характер. По сути со стороны региональной власти ощущается нарастающее давление на традиционную религиозность. Идущие же разговоры о поддержке джадидизма лишь маскируют тот факт, что политика в религиозной сфере формируется стихийно, носит поистине эмоционально-ситуативный характер, отсутствует концептуальный подход. Самоизоляция в джадидизме, противопоставление его тысячелетним традициям нашего народа разрушает нашу естественную самоидентификацию.

Кризис в этой сфере проистекает от отсутствия механизма и институтов по подготовке решений данной тематики: власть оказалась заложником узкой группы неоатеистов-разложенцев, узурпировавших это направление. Подобная ситуация порождает массу вопросов, связанных с появлением тех или иных сентенций в публичной риторике власти, с их мотивацией, притом, что тень от

этого падает, к сожалению, и на Президента РТ. Непродуманные шаги и заявления могут привести к ущербу внешнему имиджу Татарстана.

Ошибка в кадровом решении вопроса в руководстве РИУ привела к тому, что религиозное направление там курируют явные сектанты, имеющие ксенофобные взгляды. Очевидно, что это приведёт к деградации теологического обучения в республике, зацементирует ситуацию отставания РИУ от других конкурентных к Казани центров мусульманского обучения, т.е. мы и впредь обречены будем проигрывать своим оппонентам.

Пока ещё не поздно внести коррективы — исправить ситуативно и субъективно принятое кадровое решение, опирающееся исключительно на конъюнктурные, групповые корыстные интересы.

Для преодоления же концептуального кризиса государственно-исламских отношений необходимо оставить дивидентно мотивированные потуги 90-х годов лавирования на дихотомии «хорошего» и «плохого» Ислама. У татар никогда не было «плохого» Ислама, поэтому мы не нуждаемся в сиквестировании своей тысячелетней традиции последними двумя веками джадидизма. Нам надо, не стыдясь, прямо заявлять себя в качестве духовного наследника исторических татарских государств, а не отрещиваться от этого наследия в угоду либералам и исламофобам. Тяготение основной массы народа к этому подходу хорошо прочувствовал Президент РТ Шаймиев М. Ш., который в своей исторической речи на открытии мечети Кул-Шариф много комплиментарного сказал в адрес именно исконной духовности татар далеких ханских времён. Идентифицируя себя не с размытым и непонятным никому «лжеджадидизмом», а обретя статус исторических наследников своих предков, мы станем узнаваемыми во всем мире, т.к. наша духовность поистине уникальна, носит в себе черты, близкие к исламскому идеалу, детерминированные сохранением только у нас ценностей пророческого Ислама, донесенных его сподвижниками (сахабами). В этой связи достойно сожаления, что до сих пор не восстановлены гробницы сахабов в Булгарах и не захоронены тела казанских ханов в Казанском Кремле.

Вся активность в промотировании джадидизма не принесёт улучшения имиджа, если не улучшится реальная ситуация в мусульманском образовании внутри республики. Достойный имидж должен подтверждаться реальной привлекательностью, а не иллюзией.

Возникший кризис в одной конкретной сфере не надо драматизировать. Республика и прежде с честью решала и гораздо более сложные затруднения. Этот кризис тем более имеет и объективные предпосылки. Исламская «отрасль» в Татарстане достаточно количественно умножилась, так, что требуется новое качество политики в этой сфере. Дилетантские заявления-погремушки 1990-х годов должны стать достоянием истории, они исчерпали свой ресурс. Надеемся, что возобладает интегративный взгляд на нашу тысячелетнюю плодотворную традицию духовности, а не дифференцированные подходы фрагментаторов-популистов, в угоду личных грантовых целей подыгрывающих исламофобным кругам.

Лжереформы — угроза исконной идентичности татар

Сегодня же традиции, сложившийся образ Ислама, его профессиональные основы подвергаются попыткам разрушающего воздействия реформаторов. У этого воздействия есть как объективная, так и субъективная составляющая. Первая есть производная от межрелигиозной конкуренции со стороны христианства вообще и русского православия в частности. Вторая порождена стремлением конкретных реформаторов, претендующих на приобретение преференций и удовлетворение своих эгоистических интересов. Под видом позитивного воздействия на «отсталый» Ислам происходит однако его разрушение, идущее извне и пытающееся подменить его облегченным христианством. Такая агрессия не может не восприниматься как враждебность, призванная лишить нас исконной идентичности. В то же время нельзя не отметить, что религиозные представления довольно инерционны и консервативны, они обладают сложной структурой и многослойностью и даже упругостью. Поэтому мы более-менее защищены от такого грубого внешнего вмешательства.

Необходимо подчеркнуть и ещё один важный фактор: представления инициаторов реформ и основной массы верующих о том, что должно получиться в итоге преобразований, существенно расходятся. Реформаторы рассчитывают, что результатом их деятельности станет система мышления у верующих с ограниченным присутствием религии в их жизни, где влияние шариата на поведение его адептов будет минимизировано. В массовом же сознании веру-

ющих доминирует иной идеал, который у молодёжи имеет явный перекос к абсолютизации религиозного фактора.

Как и все реформаторы их татарская разновидность характеризуется радикализмом, психологически понятным стремлением как можно решительнее порвать с прежней парадигмой религиозного бытования.

Несмотря ни на что, они твердо привержены концепциям, не прошедшим проверку на практике. И это, судя по всем, мало волнует инициаторов реформ. За стойкой приверженностью татарской светской элиты к продолжающей демонстрировать свою неэффективность модели религиозных реформ стоят их личные интересы. На фоне реального роста религиозности населения они ищут для себя место в мозаике религий. Быть нерелигиозным сейчас политически самоубийственно, прийти к традиционной мусульманской модели чревато отказом от многих привычных удовольствий. Вот почему и выдумывается трескучая лозунговая реформация Ислама, которая позволяет элите выиграть время — они оказываются приверженцами Ислама, но другого, т.е. могут продолжать хулиганить в быту, вести греховный с точки зрения традиционного Ислама образ жизни. Но в то же время эта риторика по борьбе за несуществующий пока вариант Ислама позволяет им подремонтировать свой имидж, снимает вопросы о корректности их поведения. Таким образом, дискуссии о реформе Ислама стали эффективным инструментом для верхушки по откладыванию по времени вопроса своей религиозной самоидентификации. Однако, надо надеяться, что предстоящая неизбежная смена элит по возрасту (например, Р. Хакимов на следующий год выходит на пенсию) сделает просто неактуальной нынешнюю коллизию, т.к. более молодые поколения чиновников не чураются религиозности и не обременены настолько пагубными привычками атеистического прошлого.

Трудность восприятия татарской интеллигенцией традиционного Ислама сопряжена также с её специфическими возрастными характеристиками. К сожалению, в основной своей массе эта интеллигенция имеет весьма почтенный багаж прожитых лет, т.е. ко времени реисламизации это были уже вполне сформировавшиеся люди с определенными идеологическими, философскими и методологическими привычками, можно даже сказать родимыми пятнами атеизма в их мышлении. Понятно, что и к возрождаемой религиозности они подходят, обременённые своей «историей болезни» безрели-

гиозности. Вот почему непреодолим для них соблазн подогнать религию под свой болезненный извращённый вкус. Тем более, что старение — это не совсем удачный фон для восприятия чего-то нового. Старость характерна нарастанием равнодушия к гуманитарной сфере. Если обратиться к данным социологов, то оказывается, что «...возраст заметно влияет на массовость контактов с искусством... по мере увеличения возраста снижается желание людей слушать музыку и ещё заметнее — знакомиться с художественной литературой. Если в отношении к музыке рубежом, с которого начинается этот спад, выступает возраст в 50 и особенно в 60 лет, то в отношении к литературе пик активности приходится на школьные годы, а затем постепенно интерес к ней гаснет, причём наиболее заметно после 40 лет. В итоге среди людей 60 лет и старше продолжает знакомиться с художественной литературой вдвое меньше лиц, чем среди 20–30 летних».¹ Как видим, возрастание определенной интеллектуальной лености, заскорузлость мышления лиц околопенсионного возраста детерминировала появление концепций лжеджадидизма в авторстве людей, относящихся именно к этой возрастной категории. Ведь они не могут не ощущать диктат накопленного антирелигиозного жизненного опыта, с позиций которого они невольно и оценивают усиливающуюся религиозность. К шестому десятку меняются представления обо всём, вот и кажется некоторым наша искренняя народная вера слишком наивной, даже ничтожной. Само мысленное допущение о её верности вызывает у неоатеистов необъяснимый страх, т.к. ярко и убедительно высвечивает ничтожность их жизни и её тщетность. Юношеский восторг традиций, всегда носящий ювенильный характер, который становится заметным фактом нашей жизни вызывает у неоатеистов зависть, так понятную на фоне их предзакатного существования жизненной осени.

Не случайно ежегодно в Булгаре Т. Тажетдин так настойчиво проводит обряд «покаяния». Ведь это покаяние не только просьба о прощении за конкретные ошибки, покаяние — это и смена мышления, поворот к Богу, признание нашей личной беспомощности и через это переход к стадии преобразования своей личности в верующего человека. Однако это так чаемое Талгатом хазратом покаяние у нашей интеллигенции не происходит, атеизированное высокомерие продолжает плодить лжерелигиозность — лжеджадидизм.

¹ Художественная литература и развитие личности». — М., 1987. — С. 119.

Если же обратиться к международному уровню, то попытки реформирования Ислама по инициативе государства не являются эксклюзивным татарстанским опытом. Этот путь уже пройден Алжиром, Тунисом, в некоторой мере Египтом. Как показывает опыт, результатом этих преобразований становилось быстрое распространение фундаменталистских идей. Очевидно, что единственным противоядием против экстремистского фундаментализма является лишь классическая мусульманская ученость в форме традиционных мазхабов. О том, что традиционная религиозность абсолютно не противоречит модернизации свидетельствует и опыт других стран. Премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган возглавляет исламски ориентированную по своей идеологии партию, что не мешает ему проводить экономические реформы, направленные на вступление его страны в Европейский союз. Он же является сторонником именно традиционного Ислама, его жена и дочь скрупулезно соблюдают ношение хиджаба. То же самое мы видим и в Малайзии, экономический рывок здесь обеспечили отнюдь не джадидисты, а приверженцы мусульманской традиции. Симптоматично, что Южная Корея определила свое будущее как «интеллект и традиции». Как видим, традиций, кроме наших реформаторов, никто не боится.

Нелишне иногда и оглянуться вокруг, проанализировать, как себя ведут элиты по отношению к религиям в других постсоветских государствах. В результате же окажется, что единственной страной, где также как у нас в Татарстане появился эксклюзивистский «манифест» по реформированию религиозных основ, является Туркменистан. Почему-то и в вопросе введения латиницы наша интеллигенция выступила против демократически ориентированных Казахстана и Кыргызстана, категорически не приемлющих латиницу, а также солидаризировалась с Туркменистаном. Да и в России политическая элита всецело поддерживает традиционное православие, никому и в голову не приходит реанимировать само собой угасшее «обновленчество». Может быть всё же в данном подходе право большинство?

Чешский политолог Славомир Горак обращает внимание, что «отказавшись от других выработанных миром идеологических концепций, Туркменистан естественно обратился к «своеобразию» туркменской «цивилизации».¹ Из этих даже терминологических

¹ «Вестник Евразии», М., 2005 г. №2. С. Горак. Мифы великого Туркменбаши.

совпадений становится ясным, откуда основатели лжеджадидизма черпают своё вдохновение и идеи. Комментарии тут, как говорится, излишни.

Только на базе ханафитского мазхаба возможна модернизация Ислама. Необходима смена мотивации в деятельности татарской элиты, привыкшей рассматривать своё отношение к религиям сквозь призму собственных личных интересов и удобств. Или на место нынешних идеологов элиты должны прийти новые с иными установками. В любом случае в народе, в котором сохраняются ещё во многом традиционалистские ценности и ориентиры, нужно учитывать их позитивный потенциал, а не стремиться вымывать их заради неясного и самим реформаторам идеала. Тем более, что этой ситуацией для своей выгоды однозначно воспользуются фундаменталисты-ваххабиты.

Усилия по реформаторству должны корреспондироваться с исторической практикой того или иного народа, поскольку не существует универсальной формулы для реформации Ислама, реформа должна созреть внутри общества и интегрироваться в сознание людей. Только тогда она будет прочно укореняться в общественном сознании. Наши же евроисламисты хотят форсировать события, однако общественный процесс, его логику нельзя обмануть.

Серьёзные исследователи в Европе например, Дуглас Э. Стрейзанд критикуют тех, кто «считают, что эволюция невозможна, недооценивают динамичность ислама как религиозную традицию».¹

Хотя плоды реформации на примере христианства известны, это путь к освящению всякого гнусного греха, как это происходит в Европе. Вот как об этом писал Владимир Соловьёв ещё в XIX веке: «Плодом реформации является современный упадок религии во всем цивилизованном мире: ревнители чистоты евангельской сделали все, что могли, чтобы очистить Европу от христианства: и такой результат заключался скрытно уже в самом начале этого движения, хотя, разумеется, большинство тогдашних деятелей этого не сознавали и не предвидели.

Нравственная сущность протестантства есть стремление к евангельской простоте без евангельской кротости и смирения, т.е. без того, что составляет самую душу Евангелия. Там, где эта душа

¹ Д. Э. Стрейзанд. Европейский ислам или исламская Европа?

отнята, неудивительно, что безжизненное тело истлело и распалось».¹

Всё более утверждается покровительственно-пренебрежительное отношение наших чиновников к мусульманскому духовенству. Единственный метод в работе с Исламом — это замалчивание проблем и активный пиар знаковых фигур так называемого «джадидизма», трактуемого как выгодные элите идеи. В этой стандартной амплитуде и заключаются действия чиновников, вбрасывающих в информационное пространство заведомо лживые идеи и лозунги. Достаточно привести расхожий стереотип, запущенный в информационное пространство о необходимости реформации Ислама и об отказе от мазхаба. Нетрудно заметить, что они от лукавого. Ведь ханафитский мазхаб гибок и вариативен, поэтому приспособлен к любой эпохе, актуализируя те или иные подходы. Мазхаб — это методология работы со священными текстами. Без методологии священные тексты буквализируются, в результате реформации в Исламе уже возник ваххабизм. Зачем же заново породить ещё одного монстра уже на татарской почве. И таких подмен понятий очень много.

Совершенно прав Президент Татарстана М. Ш. Шаймиев, говоря, что «бояться надо привнесённого Ислама».² А ведь местный Ислам основан именно на ханафитском мазхабе, на нём основана вся наша толерантность.

Буквализму антиханафитов — разум и рационализм методологии Абу Ханифы

В отличие от других регионов ханафитский Ислам у татар очень близок к нормативному идеалу, поэтому нет убедительных оснований для его критики и со стороны зарубежных проповедников, как это происходит в других регионах.

Очень важно, что в нашем народе было ощутимое сдерживающее воздействие традиционализма, которое по-прежнему доминировало в массовом сознании. Это не позволило ваххабитам переломить ситуацию в свою пользу, несмотря на то, что это воздействие и носило исключительно инерционный неявный характер.

¹ «Православный собеседник», 1885 г. опуб. НГ-религии, 7 июня 2006 г.

² «Московский комсомолец», 29 апреля 2005 г.

Будем надеяться, что эти ресурсы традиционализма выдержат и очередной соблазн лжеджадидизма.

Задача состоит в том, чтобы не позволить религиозно-политическим экстремистам и террористическим группировкам воспользоваться плодами иницилируемых «реформ», а об этом пока реформаторы не хотят даже задуматься.

В Исламе с первых лет его существования наметилось существенное различие в понимании шариата: буквалистское прочтение и понимание священных текстов, следование букве и альтернативное ему понимание, основанное на осмыслении велений, содержащихся в священных текстах. Впоследствии эти два направления в Исламе будут названы мединской и куфийской школами, соответственно асхаб-хадис и асхаб-рай. К асхаб-хадису относятся (тяготеют) мазхабы ханбалитов и шафиитов, а к асхабу-раю относятся ханафиты. Все последующие разделения в Исламе в принципе сводятся к этому главному разделению, заключающемуся в споре о допустимом присутствии разума человека в толковании священных текстов и извлечения из них рецептов поведения. Ханафиты — сторонники рационального истолкования, направленного в сторону практического облегчения религиозных установлений, смягчения наказаний, т.е. гуманного осмысления шариата. Их оппоненты же всегда настаивают на буквальном исполнении внешних формулировок хадисов, не вникая в их истинный внутренний смысл.

Странно, что сейчас под видом джадидизма осуществляется попытка возврата к буквализму антиханафитов, неприятие разума и рационализма методов Абу Ханифы.

О позитивном потенциале ханафитского мазхаба пишут многие объективные исследователи, так, Гюльмиза Сейталиева, доцент Американского университета в Центральной Азии (Бишкек) отмечает: «Ханафизм наиболее толерантен и к другим религиям, и к другим школам и направлениям внутри Ислама. Поддержка ханафизма, внимательное изучение и разъяснение его особенностей могли бы, как представляется, воспрепятствовать росту популярности радикального Ислама».¹

Только общая вера образует общность, которая объединяет людей. Она лучше всего другого связывает людей в единое целое,

¹ «Вестник Евразии», М., 2005, №3, с. 148. «Ренессанс» Ислама в независимом Киргизстане.

образуя коллективные представления и соответствующий им образ действий. В этом заключается её интегративная функция, которую у татар и исполнял ханафитский мазхаб. Ослабляя его, враги нашего народа пытаются атомизировать татар, убрать у них надындивидуальную их суть. Если поддасться соблазну и всех татар заставить ощутить себя имамами мазхабов и выдумывать собственную интерпретацию священных текстов, то мы потеряем то скрепляющее всех нас не только друг с другом, но и с нашими предками, лишимся их поддержки (шафаата), т.е. потеряем благодать в своём земном существовании. Ведь в нашей самоидентификации в качестве татар существенным является тот набор сакральных идей и символов, которые формировались в русле пророческого Ислама, формализованного в ханафизме, именно они являются ныне основой национальной консолидации. Атака на этот наш фундамент, предпринимаемая коалицией лжеджадидов и ваххабитов ставит под вопрос само существование нас как этноса, т.к. лишение народа веры в общесвященное делают его сознание аморфным, оно становится неизбежно подверженным внешнему воздействию и всевозможным манипуляциям, в конечном счёте это ставит его идентификацию в зависимость от них.

Наш народ гораздо ранее последних двух веков являл идеал толерантности в сфере межрелигиозных отношений.

Известно, что находка иконы в Казани девочкой Матрёной трактуется, что она была потеряна во времена Казанского ханства. Таким образом, это есть очевидное доказательство существования во времена ханства в Казани христианских церквей, кладбищ, икон и т.д. И это не удивительно, т.к. ханафизм, исповедуемый татарами, — очень толерантный толк Ислама, который хорошо относится к ахль-китап — христианам. В то же время нет нужды говорить о том, что в Москве и Московии не было мечетей, трудно ожидать от христиан ответной терпимости к Исламу. Таким образом, возврат иконы именно по инициативе мэра-татарина — ещё одно доказательство толерантности ханафитского толка, его веротерпимости, которое ещё более выпукло смотрится на фоне отношения христиан к Исламу, носившего в средневековье отрицательный и нетерпимый характер.

По поводу распространённого упрека реформаторов в адрес духовенства: нельзя думать, что люди приходят в пятничные дни в мечети, чтобы услышать научные доклады вместо проповеди. Вовсе

нет, если бы они слышали с минбара такого рода суемудрие, мало бы нашлось охотников туда ходить. Проповедь тем и отличается от научного доклада, что обращена не только к уму, но и к сердцу и душе, в которых должен возникнуть эмоциональный отклик, души должны смягчиться, только сухая логика и научный аппарат здесь не всегда помощники. Чудо проповеди именно в обращенности к эмоциональному, чувственному измерению человека. А для этого не всегда необходимы такие уж энциклопедические знания. Здесь важна одаренность людей. Р. Фахретдин — был ученый, но никудышный проповедник, знания мешают зачастую, чтобы проповедь была успешной, чтобы она состоялась. Поэтому аргумент лжеджадидов о необходимости превращения минбара в научную кафедру — это смерть для религии, т.к. и на научных симпозиумах мало кто слушает докладчиков — общение идёт в кулуарах.

Медресе особенно средние, выполняют очень важную функцию по подготовке имамов для мечетей республики. Однако в последние годы наблюдается навязывание обществу идеи, что имамами должны быть только лица с высшим, причём светским образованием, в связи с чем ощущается стремление понизить статус и престиж средних медресе, которые все чаще рассматриваются лишь как некое промежуточное звено для продолжения образования в исламском университете, например. Это заведомо снижает качество медресинского образования, понижает ответственность преподавателей-педагогических кадров к своему служению. На самом же деле нам важно сохранить медресе в качестве самоценного структурного явления, которые должны выпускать готовых специалистов-имамов со средним специальным образованием. Медресе — это вовсе не подготовительные отделения для кого бы то ни было. Тем более, что люди по рождению бывают по-разному одарёнными. Кто-то обладает потенциалом к умственной деятельности, а кто-то к духовному служению. Мы не можем закрыть мечети для работы в них тем юношам, которые может быть не способны усвоить программы вузов, но имеющих очевидные духовные таланты и характер — искренне верующих, добросердечных, милосердных, способных заразить других своей неподдельной Верой. Очевидно, что такие люди полезнее в стенах мечети тех, кто хотя и заучил для экзаменов некую сумму сухих знаний, однако лениво относится к духовному измерению имамата. Медресе по сути и предназначены для такой отзывчивой молодёжи, которая ориентируется именно на непосредственную

работу в мечетях, поэтому при приеме в медресе не должно быть формально-арифметического подхода к цифровым данным аттестатов, а важно внимание к душевным качествам абитуриентов. Нам надо перестать стремиться понравиться небольшой кучке кондовых атеистов, которые из-за греховно прожитой впустую своей жизни вечно недовольны духовенством. Их неверие не пускает на самом деле их в мечеть, но они оправдывают его разными пустячными поводами вроде недостаточной образованности имамов и т.д. Эти люди с засушенными сердцами, пленники шайтана, всё равно найдут у нас недостатки, поэтому нужно мусульманскому духовенству, мусульманской образовательной системе больше заботиться о духовной стороне, углублять именно духовное измерение нашей работы, а не обращать внимание на такого рода профессиональных безнамазных критиков и уж тем более не заниматься косметикой своего имиджа в угоду им.

К сожалению, такое святое доброе слово как «джадидизм» используют люди, любящие злоупотреблять алкоголем. Эти грешники пребывают после выпивки с ощущением во рту, как будто кошки нагадили. И когда из этих ртов исторгаются слова о джадидизме, всё это вызывает отвращение и брезгливость, которая распространяется, к сожалению, и на собственно джадидизм. Самую большую услугу в деле распространения и пропаганды джадидизма эти люди сделают, если прекратят о нем говорить, тогда джадидизм, конечно, будет иметь шанс на распространение среди мусульманской молодёжи.

Сребролюбивая интервенция лжеджадидов

К сожалению, приходится констатировать, что у светской фракции татарской интеллигенции сразу после её появления на рубеже XIX–XX веков была неизбывная зависть к татарскому духовенству и острое желание «отнять и поделить» религиозные деньги, в виде подаяния аккумулируемой в руках мусульманского духовенства. Любопытно, что в истории у них это уже один раз получилось. Наши светские историки, блюдя честь своего мундира, никогда об этом не пишут. Однако из истории, как и из песни, как говорится, строку не выкинешь. Об этом периоде очень красноречиво пишет Галимджан Баруди в своей «Памятной книжке», высвечивая в очень осторожных фразах наличие коллизии между духовенством и атеизированными татарами: «Нация, и стар, и млад, издавна возлагала на нас

большие надежды. Мы выработали идею постепенного действия, считая свойственным социалистам метод разрушения неприемлемым. Но возник Милли меджлис и развеял наши планы, ограничил, как и прежде Романовы, нашу силу и энергию. Испугавшись успехов шариятского учреждения, позавидовали рождению прекрасных дел по укреплению религии, и совсем не захотели заниматься вопросами. Создали Милли идара и передали в его ведение муфтия и казыев, и все Духовное управление. Следствием этого стало большое ослабление и оскорбление указанного управления, отцов нации, верующих, это погасило их радость, отняло духовность и инициативу в области школ и медресе, оказалось возможным вершить экономические дела при посредстве учреждения, именуемого министерством финансов. Школы и медресе, на которые Управление возлагало великие надежды, оказались в плачевном положении. Это вызвало в народе враждебное отношение. Подготовили лишь путь для осуществления целей коммунистов, изгнали религиозный дух, сохранявшийся до сего времени в школах, и сами остановились, оказались в катастрофическом состоянии».¹

Результат тогдашнего покушения на права духовенства, попытка изъятия религиозных подаваний светскими татарами хорошо известен. Наш верующий боголюбивый народ отвернулся от этой группы аферистов. Десятки тысяч солдатских штыков татар-мусульман от отвращения к узурпаторам подаваний не захотели их защищать. Пренебрежение к мусульманскому духовенству, выказанное Милли меджлисом и Милли идарой превратило их в исторический эпизод-недоразумение.

Однако, как современно и злободневно звучат слова Галимджана хазрата! Эта цитата доказывает, что он имел высокие духовные степени святого провидца. И сегодня духовное управление «ослабляется и оскорбляется» нападками светских лжеджалидов, которые имеют единственную цель узурпации религиозной собственности и религиозных денег. Так же как и прежде реальной становится угроза, что наши религиозные учебные заведения окажутся «в плачевном положении», откуда «изгнали религиозный дух». Как видим, история повторяется. Очевидно одно, ранее наш народ не поддержал эту светскую интервенцию в свою религиозную жизнь и предпочёл власть большевиков власти разгульных лицемеров. Понятно, что и сегодня

¹ Г. Баруди. Памятная книжка. К., 2000. Издательство «Иман», с. 34.

этот эксперимент по вторжению лжеджадидов во внутренние дела мусульманского духовенства и их сребролюбивые потуги наложить лапу на благочестивые подаяния верующих ни к чему хорошему не приведёт, лишь послужит причиной убывания благодати у народа и республики. А без бараката никакой успех невозможен.

Следование традициям — это сохранение и передача от одного поколения к другому такого набора ценностей, которые приоритетны. Очевидно такое следование традициям подразумевает наличие в нашем народе некоей константы, которая делает нас аутентичными в главном нашим предкам. В татарской духовной традиции — это пророческое понимание религии, хранение духовных сокровищ, исходящих от Божественных тайн.

Очевидно, что не все в Исламе понимают роль и важность традиции, что связано с мощным разрушающим влиянием христианства, в котором произошла протестантизация веры. Протестантизм же в христианстве и возник для отказа от традиции. Неслучайно появившиеся на исламской почве клоны христианского протестантизма, например, ваххабизм также агрессивно настроен к мусульманской традиции, аккумулированной в наследии мазхабов, восходящей к асру-саадат (счастливному веку) пророческого и сахабического Ислама.

Сейчас на татарской почве институциализируется светский вариант ваххабизма в форме лжеджадидизма, типологической особенностью которого является то, что его сторонники переносят привычки и методы атеистического стиля мышления на религиозный материал. Неотеисты, воспринимают мир без абсолюта, в относительном ракурсе, поэтому исходят из того, что все на свете зависит только от них самих, от их лишь воли. К этому стилю мышления добавляется смесь «татарских» интеллигентских предрассудков и получается, что лжеджадиды начинают в конце концов воспринимать себя как источник истины. Говоря о «татарских» предрассудках я имею в виду специфическую ситуацию комплектования татарской национальной интеллигенции в позднесоветское время, когда татарская школа была оттеснена из городов в деревню, в ряды татарской интеллигенции почти прекратился приход городской молодёжи и в целом наша интеллигенция «околхозилась». Чувство второсортности и ущемленности, отмеченное ещё Ильминским, возникающее от недостаточного знания русского языка вьелось в неё на ментальном и подментальном уровне. Веч-

ное ощущение второсортности, угловатости, неловкости стало спутником татарских деятелей в эти десятилетия. С обретением суверенитета эти ощущения ущемлённости естественным образом преломлялись в мелкий реваншизм, местечковую самомасштабизацию. Это вполне естественная психологическая реакция людей, оказавшихся в одночасье в иных социальных координатах. К сожалению, эта психологическая ситуация некоторым образом отразилась и на религиозных исканиях нашей интеллигенции, которая и в своих отношениях с Богом пока напоминает приснопамятную сказочную старуху в её требованиях к золотой рыбке.

Вот и получается пока, что простая истина, что ничто исходящее от смертного и несовершенного человека по определению не может быть абсолютным не воспринимается. Всё это небезобидно, т.к. сказывается на человеческом поведении, в результате такого рода лжерелигиозного «творчества» уничтожается нормативная традиционная мораль, стараниями лжеджадидов легализуются стереотипы антиисламского поведения.

«Евроислам»

Что касается «евроислама», то он не может быть универсальным. Положение мусульман-татар и мусульман-эмигрантов в Европе принципиально отличается. Татары оказались в христианском государстве не по своей воле, а европейские мусульмане сами добровольно переселились в немусульманские страны. Поэтому к этим группам по-разному относится шариат. Ведь эмигранты добровольно избирают для себя затруднения. В этой связи не может быть однотипного подхода к религиозно-правовому положению этих двух групп с точки зрения шариата.

В Западной Европе утеряна система духовных управлений мусульман, институт имамов разобщён, они «приватизированы» различного рода фондами и организациями. А снижение и девальвация авторитета имама, всего духовенства, и есть дорога к фетвизации террора и ксенофобии. Абсолютизация иджтихада для всех, лишение его критеризации и специализации привело в результате к обоснованию терроризма религиозной мотивацией. Это стало возможно только из-за нивелирования места мусульманского духовенства. После падения халифата пал и падает уровень представительства духовенства. Вот и получается, что лозунг ваххабитов

«в Исламе нет духовенства» уже повторяет светская республиканская элита Татарстана. А ведь следование этому лозунгу на практике откроет двери для одобрения всего отвратительного и террористического от имени религии.

Дуглас Э. Стрейзанд пишет, что евроислам — «не более чем ширма для исламского тоталитаризма. Сами собой в этой связи напрашиваются параллели с еврокоммунизмом. В своё время его адепты утверждали, что компартии Западной Европы обрели независимость от СССР и отряхнули с себя сталинское наследие. Жан-Франсуа Ревель в статье, опубликованной в 1987 году в журнале «Форин афферс», изящно опроверг оба эти утверждения». Как видим, для многих исследователей не является секретом наличие очевидной связи между этими двумя реформаторскими течениями: ваххабизмом и евроисламом (лжеджадидизмом).

Живущие в Европе мусульмане, по-европейски образованные, понимают что надо делать для сближения исламской и европейской цивилизации. Сближение это не значит, конечно, безоговорочной капитуляции, предлагаемой лжеджадидами. Мустафа Акьол, например, пишет: «Давайте покажем людям достижения средневековой исламской цивилизации во всей их красе и поможем умеренным мусульманам достучаться до западной аудитории».¹ Это, безусловно, гораздо сложнее, чем на деньги западных грантов порочить вероустановления своей религии и клеветать на своих набожных предков.

Без опоры на свои традиционные первоисточники любые взгляды могут утратить свой смысл и ограничиться в узкие жесткие рамки самодовлеющих теорий, которым реформаторы пытаются подчинить всё многообразие созданного Богом мира.

Глупо повторять старые ошибки, когда некоторые, пытаясь использовать нечто из Исламского наследия, но забывая саму суть традиции, порождали чудовищные трагедии. Нужно направляться к познанию Бога по Его рецептам. Иначе же все сведётся к очередной попытке оттеснить религию на обочину общественной жизни.

Теории модернизации чаще обсуждают полезность и целесообразность восприятия странами незападной цивилизации западных институтов и ценностей. Но у татар изначально была типологическая схожесть с западным подходом благодаря тысячелетнему следованию пророческому Исламу.

¹ www.neweuropereview.com/russian/akyol.cfm.

Реформация в Исламе, как это показывают века его истории, всегда имеет и обретает собственную инерцию, всегда протекая совсем не по сценариям зачинателей реформы. Сейчас, борясь с мазхабами, полагают направить Ислам в русло либерального западничества, но, как всегда, произойдет всё по ваххабитскому сценарию и результатом реформации явятся ксенофобные формы насильственной религиозности. Единственной панацеей, духовным щитом в этом смысле являются проверенные веками мазхабы, эволюционирующие по запросам современности.

Материальная часть бытия легко модернизируется, но духовная составляющая, незримая часть религии разве может меняться? Добро всегда останется добром, а зло — злом. Греховное будет греховным, как бы ни старались либералы в Европе и местные реформаторы, грех не перестанет быть грехом. Мусульмане, конечно, приветствуют и с удовольствием используют все достижения науки и технологии, но никогда не откажутся творить пятикратный намаз, неважно, где они будут находиться, хоть в космическом корабле. Результатом деяний реформаторов будет лишь соращение части верующих, как это уже много раз было: от Ислама отпадали бехаиты, ахмадиты и др. Но мусульмане всё равно останутся в своей неменяемой вере до конца времён.

Предпосылки смягчения отношения к мазхабическому Исламу

В том, что политическое руководство РТ достаточно настойчиво позиционирует себя в качестве сторонника реформации Ислама и джадидизма есть, конечно, свои причины. При становлении суверенитета Республика Татарстан жила в условиях внешнего давления. При президентстве Шаймиева М. Ш. в Татарстане в 1990-е годы сложился тип власти, который носит неопатримониальный характер, т.е. основанный на персональном доминировании правящего лидера. Такой имидж создавался для Татарстана извне. При этом внешне современные политические институты приспособляются в качестве инструментов личного доминирования главы республики. Как видим, внешние критики республики делали вывод, что трансформация власти привела в наших условиях не к модернизации политической системы республики, а к её фактической демодернизации и архаизации, с точки зрения, например, европейских

аналитиков. В этой ситуации у республиканских властей появилось ощущение, что поддержка ими традиционного Ислама может дешифровать эту фактическую сущность власти, поэтому было, видимо, принято решение публично заявлять о необходимости реформации Ислама и борьбы с мазхабами, т.е. традиционными классическими формами Ислама. Это делалось для того, чтобы избежать ассоциаций с политической системой Казанского ханства. В ельцинский период это действительно было полезно для имиджа республиканской власти, т.к. тогда реально звучали сравнения с ханскими феодальными порядками и была опасность маркирования республиканской политической системы в качестве «традиционно-ханской» в случае демонстрации приверженности традиционным для татар формам Ислама — ханафитскому мазхабу. Сейчас же после путинских реформ необходимость штукатурирования через приверженность исламской реформации потеряла во многом свою актуальность и остроту. При нынешнем арсенале полномочий РТ никому и в голову не придёт обвинять республиканские власти в монополизации власти, поэтому вполне возможно уже несколько смягчить риторику по отношению к проверенным проявлениям татарской религиозности в форме мазхабического Ислама.

Верность преданию предков и стремление сохранить веру нетронутой характерно для нашего народа и этого стесняться совсем не нужно. Мы уникальны тем, что храним традицию пророческого Ислама целиком и она важна для нас вся. Мы преданны изначальным богослужебным правилам, наследию имамов мазхаба, поэтому мы отстаиваем принципы догматики и обрядовые правила в неприкосновенности и неизменности. Беспокоит, что союзниками себе нынешние лжеджадиды выбирают явных врагов нашей религии. Например, Салман Рушди в британской газете «Тайм» опубликовал статью о «несоответствии Ислама современной действительности»: «Необходима мусульманская реформация для борьбы не только с идеологами джихада, но и с удушающей атмосферой традиционных семинарий. Нужно распахнуть окна закрытых общин и впустить столь нужный там свежий воздух».¹ Вот с кем солидарны по сути наши местные лжеджадиды.

Мертвенная сухость лжеджадидских построений, идолизация ими умствования произрастают от непонимания самого феномена

¹ Цит. по «Известия» 12.08.05.

религии, отрицания ценности её внутреннего содержания, заикливания лишь на её внешних проявлениях. О важности же гармонического сочетания рационального и иррационального хорошо сказано Р. Отто: «То, что в религии иррациональный момент всегда остается живым и бодрствующим, предохраняет её от превращения в рационализм. То, что она в полноте хранит рациональный момент, предохраняет религию от падения в фанатизм и мистицизм, помогает ей стать религией культуры и человечности».¹

Нарушение же такой гармонии, стремление вытеснить нуминозное измерение из религиозного миропонимания нашего народа небезобидно. В постперестроечное время на примере собственной республики мы являемся свидетелями успехов, детерминированных умножением бараката, возникающего от роста удельного веса свойственной нам религиозности. Правильное в основном, в своей сути религиозное возрождение позволило избежать многих трагедий. Однако, такое божественное патронирование и благоволение может быть и утеряно, не надо забывать об этом. Результаты земных наших успехов не должны приводить к игнорированию их истинного источника. В этой связи недопустима торопливость и суетливость в религиозной области, особенно стремление обрести политические дивиденды посредством риторики в теологической сфере. Мы слишком недавно обрели законную свою «татарскую» власть, которая должна понимать свою ответственность не только перед наличным электоратом, но и перед нашими почившими предками и потомками, понимая её именно в такой перспективе, в божественном измерении истории.

Заключение

В книге «Философия религии» Мела Томпсона приводится различие научного видения от религиозного: «Одно из важных свойств науки — то, что она постоянно меняется и в ней появляются все новые идеи. Научные идеи носят временный, предварительный характер». Вот где корни распространенного ошибочного подхода к религии наших светских научных деятелей: они также относятся к религии как меняющемуся феномену, который обязан быть

¹ Цит. по: Красников А. Н. Методология классического религиоведения. — Благовещенск, 2004. — С. 89.

изменен. А ведь даже в науке есть неменяемые основы (арифметика, логика, механика и др.)

Мел Томпсон также пишет: «На некоторое время научные теории могут стать авторитетными и нормативными, но позднее их, как правило, отбрасывают, а их место занимают новые теории, более комплексные или более перспективные в плане прогнозирования».

«Представление о мире, которые предлагает нам религия, — это не просто преходящая гипотеза, которую завтра заменят на новую; эти представления трактуются как вечная истина». Вот эту простую вещь и надо наконец осознать.

Единой идеологии джадидизма не существовало и не могло существовать, слишком разнонаправленные люди это движение составляли, поэтому нынешние лжеджадидские конструкции построены на принципе «фантазирование назад».

Лжеджадиды, хуля наши народные традиции, как и ваххабиты, отвергают их тотально, без изъятия, хотя очевидно, что консерватизм, консервативность жизненно необходимы для стабильного существования любого народа. Хорошо об этом сказано у А. И. Солженицына: «Консерватизм — стремление сохранять и отстаивать лучшие, добрые и разумные традиции, оправдавшие себя в многовековом народном действовании».¹

Лжеджадиды хотят перенести на религиозную почву свои поверхностные политологические клички, называя религиозных деятелей реакционерами. Хотя очевидно, что в религиозной сфере просто безграмотно использовать этот терминологический инструментарий. Тем более, что в этом смысле, в этих обстоятельствах быть реакционером на фоне лжеджадидов — это явная похвала. К слову «реакция» спокойно относились многие, например Константин Леонтьев, о котором С. Бочаров пишет: «...его любили называть реакционным философом, он и сам с восторгом называл себя реакционером. Любил слово «реакция». А что такое реакция? Это ответ на что-то, и это была его реакция на разрушительный, как он считал, ход современной истории».²

В заключение уместно привести аят, точно иллюстрирующий поведение наших доморощенных лжеджадидов, клеветующих на своих верующих предков: «А когда им говорят, советуя и настав-

¹ Звезда Поволжья. 4–11 мая 2006.

² С. Бочаров. Реакция и ход истории. «НГ» exlibris. №41. 3.11.2005.

ляя: «Уверуйте, как уверовали лучшие люди, и поверьте во Всомогущего и силу Аллаха!» — они отвечают: «Разве мы будем верить, как уверовали невежественные глупцы?» Поистине, они — сами глупцы, потому что говорят в глубине души, что нет Аллаха, но они так невежественны, что не знают истины!» («Бакара», 13). Как говорится: не в бровь, а в глаз. Точно схвачена психологическая основа этого «ученого» высокомерия, они именно считают своих предков глупцами, только из-за того, что те искренне верили.

Содержание

Традиция подлинного джадидизма жива.....	3
Причины появления исторического джадидизма	6
Особенности модернизации у татар	10
Важность богословского образования	15
Лжереформы — угроза исконной идентичности татар	20
Буквализму антиханафитов — разум и рационализм методологии Абу Ханифы	25
Сребролюбивая интервенция лжеджадидов	29
«Евроислам»	32
Предпосылки смягчения отношения к мазхабическому Исламу	34
Заключение	36

Центр «Иман» предлагает вам приобрести следующую продукцию: книги, аудио- и видеокассеты.

**Все необходимое из нижеследующего списка вы можете заказать
наложенным платежом по адресу:**

420022, г. Казань, ул. К. Насыри, 27, Апанаевская мечеть.

*У кого есть возможность, пусть посетит нашу мечеть
и выберет то, что заинтересует.*

Арабско-русский словарь. К. Оде-Васильева. 190 с.

Азатлык — это свобода. Р.Юлдашев. 84 с.

Акыда, символ веры. И.Тахави. 44 с.

Акыда — символ веры. И.Насафи. 16 с.

(А5)

Алам-и барзах. Определение понятия
могильная жизнь. 32 с.

Ал-Матуриди и суннитская теология в
Самарканде. У.Рудольф. 286 с. (А3)

Аль-мункыз мин ад-далаял. Избавляющий
от заблуждений.

Аль-Газали. 60 с.

Аль-фикх аль-акбар. Величайшее знание.
Абу Ханифа. 24 с. (А5)

Араб.-русс и русс.-араб. словарь средневековой
арабской философской лексики. 140 с.

Арабо-мусульманская литература средневековья. 148 с.

Арабский язык для начинающих. (Оверченко). 160 с. (А3)

Атеизм и его критика. А.Топалоглу. 197 с.

Ахлаки Мухсини. Мухсинова этика. В.Кашифи. 50 с.

Банковские проценты — запрещенный
Исламом рост.

Беседа христианина и мусульманина. 68 с.

Библия, Коран и наука. (I и II). 352 с. М.Бюкай.

Бидаат, или лжепоклонство. 28 с.

Благочестивый друг. Как выбрать себе
надежных друзей? 24 с.

Божественные чудеса. 128 с.

Божественные чудеса. 48 с.

Большой диспут между А.Дидатом и
Анисом Шурушем. 88 с.

Борода мусульманина и ее важность. 23 с.

Булгар и Северная Европа. Р.Набиев. 140 с.

В молитве спасение. 64 с.

Вакуфная собственность. Мусульманские
завещания. 60 с.

Вакуфы. 40 стр.

Вафият ал-аслаф. Ш.Марджани. 126 с.

Ваххабизм. 16 с.

Вера в Аллаха и шесть ее основ. М.Топташ. 124 с.

Взаимосвязь шарията и тариката. 38 с.

Влияние Ислама на средневековую Европу. 128 с.

Волшебные свойства имен Аллаха. 112 с. (А5).

Воскрешение наук о вере. Газали. 180 с.

Всем нужная вера. 120 с.

Гур'ан (Азербайджанская).

Гыйбадате исламия. А.Максуди. 76 с.

Дагват. Призыв. 104 с.

Движение таблиг: сонный ваххабизм. 24 с. (А5)

Девяносто девять имен Аллаха. 32 с. (А5)

Джалидизм среди татар. Я.Абдуллин. 44 с.

Дневник немецкого мусульманина. М.Хофман. 116 с.

Догматы христианства. 128 с.

Доказательство пророчества. Отпор рафидитам. 80 с.

Документальные материалы N 3. 88 с.

Документальные материалы N 4. О деятельности руководства ДУМ РТ в период с 14.03.2001 по 02.02.2002. 117 с.

Духовное счастье. У.Мустаева. 40 с.

Жемчужины разъяснений. А. Утыз-Имяни. 64 с.

Жизнеописание пророка: сира. 48 с.

Закон РТ о свободе совести и религиозных объединений. (рус.-тат.). 36 б.

Заблуждение ваххабистов. С.З.Дахлян. 24 с.